
ПРОЛОГ

— Люди добрые! Вы только посмотрите на нее! Половина России стремится в Москву, чтобы хоть как-то выжить, сделать карьеру, а эта дуреха вздумала изображать жену декабриста! — Отец театральным жестом воздел руки к небу. — О боже, вразуми мою дочь, чтобы не наломала дров!

«Люди добрые» в лице мамы и бабушки осуждающе молчали, понимая, что их черед выразить свое отношение к событиям еще впереди.

Отец отошел к окну, устало опустил в кресло и окинул сердитым взглядом тоненькую фигурку дочери.

— Объясни еще раз старому склеротику, какая муха тебя укусила. Мы все — и я, и бабушка, и мама — оплакиваем Сережу. Но в трудные времена человек находит опору в близких людях, в друзьях, в любимой работе, наконец... Ты же словно не от мира сего! Бросаешься очертя голову в крайности: не спрашиваешь ни у кого совета, увольняешься с работы, покупаешь билет на самолет. Ну, скажи на милость, кому ты нужна в этом таежном захолустье? Представляю, является столичная фифа в этот богом забытый Привольный, ну и что? Думаешь, тебе там будут рады? У них своих проблем невпроворот, а тут ты явишься со своими болячками...

— Подожди, Максим! — Бабушка решительно встала с дивана, подошла к внучке и обняла ее за плечи. — Послушай меня, девочка! В сорок четвертом, когда погиб твой дед, мне тоже хотелось убежать куда глаза глядят, смотреть ни на кого не могла. Каюсь, поначалу смерти искала,

потом опомнилась, спохватилась: сын ведь у меня совсем еще маленький, беззащитный...

— Бабуля, у тебя ребенок остался, а у меня, кроме фотографий и писем, — ничего. — Лена подняла голову и умоляюще посмотрела на родителей. — Отпустите меня, ради бога! Вы же всегда все понимали. Я не выживу здесь. В редакции смотрят на меня как на безнадежно больную и задания все подсовывают щадящие, с упором на развлекательку. Изо дня в день, из часа в час одни и те же лица, одни и те же разговоры... Просилась в командировку на Кавказ, редактор посмотрел как на умалишенную. На следующий день узнаю: вместо меня отправили Ксюшку Завьялову, которая от каждого куста шарахается и дальше Подмосковья нигде не бывала. — Лена перевела дух. — В конце концов, я взрослый человек и в состоянии решать свои проблемы без подсказок. Конечно, для вас Привольный — край земли, но наши ребята в прошлом году сплавились там по горным речкам на плотках и вернулись в полнейшем восторге и от природы, и особенно от людей. Горы, тайга, свежий, здоровый воздух! И с голоду там не пухнут, и так же, как в Москве, влюбляются, женятся, детей рожают и на судьбу, поверьте, не жалуется.

— Не хватало мне еще зятя местного разлива и внуков-туземцев! — подал голос отец.

— Максим, прекрати! — оборвала его бабушка, а мама сердито сверкнула глазами.

Максим Максимович стукнул в сердцах кулаком по подлокотнику, но от дальнейших комментариев воздержался.

— Ба, знакомые все пасмурные лица! — ворвался в кабинет отца Никита, младший представитель семейства. Несколько озадаченно оглядел постные физиономии старших родственников, но в силу врожденного оптимизма и щенячьей беспечности предпочел не впадать в мировую скорбь и с веселой ухмылкой потер ладони. — Прекрасненько! Похоже, запись на сибирские сувениры продолжается! — Он подсел к Лене и обнял сестру за плечи. — Слушай, дорогая сестренка, у меня грандиозная идея! Твой героический поступок еще аукнется в истории. Поэтому ни дня без строчки и фотоснимка. Фиксируй каждый свой

вдох и выдох. Я тут примерный план съемок набросал: «Лена в ногах убитого ею медведя», «Лена с соболем через плечо», «Лена моет ноги в истоках великой сибирской реки»...

Сестра улыбнулась, выхватила из рук брата растрепанную записную книжку и шлепнула его по лбу.

— Чего-чего, а капканчик специально привезу на чей-то длинный язык!

Она подошла к матери, села рядом, прижалась к ней.

— Родные мои, простите меня, пожалуйста! Я ненадолго уезжаю, честное слово! Возможно, мне хватит нескольких месяцев, чтобы понять, кто прав: вы или я. В жизни надо многое испытать, чтобы стать по-настоящему взрослым человеком, вы же сами меня в этом постоянно убеждали. А теперь, когда я решила последовать вашим советам, вы непонятно почему воспротивились. Неужели я такое никчемное, такое тепличное создание, что погибну от первого же сквозняка? Дайте мне шанс стать независимой...

— Ну что ж... — Отец сухо посмотрел на дочь, обвел взглядом домочадцев. — Борьба за независимость — святое дело! Только не жалуйся потом, если в боях за суверенитет зубы потеряешь... — Максим Максимович огорченно развел руками. — Знаю, что упрямая, знаю, что настырная. И как тебя ни уговаривай, все равно по-своему сделаешь! А я не хочу, чтобы мы расставались врагами. — Он махнул рукой и огорченно добавил: — Поезжай, бог с тобой, но, когда будешь собирать вещи, не забудь про валенки, полушубок и гусиный жир — первейшее средство от сибирских морозов. — И, хлопнув дверью, вышел из кабинета, а Никита на радостях стукнул записной книжкой по журнальному столику, отчего любимая мамина ваза слегка подпрыгнула на месте.

— Слушай, Ленка, раз уж тебе разрешили отправиться к черту на рога, будь другом, добудь мне медведя. Я его шкуру у себя в спальне повешу. И чтобы клыки у него были не меньше моей авторучки!..

ГЛАВА 1

Учительская гудела как потревоженный пчелиный улей. Словесники за широким столом у окна с упорством шведов под Полтавой отстаивали каждый час учебной нагрузки в следующем учебном году. Руководитель методического объединения Сталина Григорьевна, дама по обыкновению томная и настроенная на лирический лад, с трагическим видом закатывала глаза и то и дело подносила пальцы к вискам, изображая неподдельное страдание. Деньги, нагрузка, классное руководство — как это пошло и не интеллигентно ссориться по таким пустякам. Сталина Григорьевна могла себе позволить не думать о деньгах и прочих грустных реалиях жизни сельского учителя, потому что ее мужу принадлежали все бензоколонки в округе. Поэтому Сталина была единственной учительницей в школе, которая имела неполную нагрузку и по этой причине жила полноценной жизнью, то есть частенько посещала городские театры и художественные выставки, ездила на курорты и наводила красоту в модных косметических салонах. Правда, учителем слыла неважным, но это обстоятельство скрашивал ее супруг, который частенько дарил школе то компьютер, то спортивный инвентарь, то талоны на бензин, а в зимние каникулы оплатил поездку десяти отличникам в Санкт-Петербург. Поэтому Сталину обычно не притесняли и терпели как досадную, но выгодную необходимость.

Схватка была в самом разгаре, но никто привычно не обращал на нее внимания, потому что каждому, кто присутствовал сейчас в учительской, не раз пришлось пережить подобные волнения. И все знали, что в конце кон-

цов все придут к обоюдному согласию, потому что последнее слово останется за директором и завучем. Как они решат, так и будет!

Белобрысый историк, не обращая внимания на склоки за своей спиной, говорил что-то вдохновенно и вполголоса в телефонную трубку. Все уже знали, что его роман с детским врачом Танюшей Потаповой стремительно развивается, и, судя по тому, что Костя, так звали историка, в последнее время не ночевал дома, дело шло к свадьбе. Тем более Танюшу замечали уже не раз в свадебном салоне районного центра, где она с упоением рассматривала наряды для невест.

Учительская молодежь обосновалась в углу за пыльной пальмой. Их приглушенные голоса и оживленная жестикуляция мало что добавляли к бедламу, царившему в конце учебного года в священной обители педагогов. Полное блюдо пирожков из школьной столовой и исходящий паром самовар говорили о том, что молодежь собралась гонять чай всерьез и надолго. Но более всего они хотели укрыться как можно надежнее от глаз школьной администрации.

Они понятия не имели о том, о чем уже знала Лена: их глубокоуважаемый директор Николай Кузьмич Киселев, человек степенный и предсказуемый во всех делах и поступках, несколько минут назад пробежал легкой рысью по школьному коридору, натягивая на ходу кожаный плащ, нахлобучивая клетчатую кепку и втискивая какие-то бумаги в портфель.

Причем все это делалось одновременно, отчего кепка отлетела в сторону, а бумаги рассыпались по полу. Директор застыл от растерянности, но на помощь ему бросился завхоз Трофимыч. Бумаги водворили на место, кепку директор зажал под мышкой и резво скрылся в неизвестном направлении. Из чего Лена сделала вывод: случилось нечто чрезвычайное и, возможно, очень неприятное. Но думать о плохом в такой ласковый, по-настоящему летний день ей не хотелось. Пусть события развиваются своим чередом. И она быстрым шагом вошла в учительскую...

Молодежь призывно замахала ей из угла, но Лена пока-

чала в руках толстую пачку тетрадей, пожалла плечами и горестно вздохнула. Намек был понят, и ее оставили в покое.

В учительской пахло пылью и старой бумагой. Перед ремонтом сюда снесли на время все, что с незапамятных времен грудами копилось в шкафах, практически никогда не применялось, но носило громкое название: наглядные пособия.

В открытые окна ворвался ветерок, парусом надул шторы, поиграл страницами раскрытых тетрадей, книг, журналов, смахнул со стола стопку отштампованных для экзаменационных работ листков бумаги. Елизавета Васильевна, школьный секретарь, ринулась их подбирать, чуть не сбив с ног и Лену, и столик, на котором стояли графин с водой и телефон.

— Ой, Леночка, извините. — Она поправила растрепавшиеся волосы. — Сегодня совсем в бумагах потерялась!

Лена огляделась: почти все столы заняты студентами-практикантами. Они давали последние в этом году уроки, строчили конспекты и отчеты по практике, обложившись горой учебников и дополнительной литературы. А их наставницы во главе с руководителем практики, завучем Софьей Моисеевной, сбились в тесный кружок, от которого исходил основной шум в учительской. Группа дородных «мамок» — этим не совсем почтительным прозвищем их наградили молодые коллеги — оккупировала красный дерматиновый диван и стоявшие вокруг него стулья. По легенде, которую по обычаю рассказывали всем новичкам, красный диван лет двадцать назад вручили школе за второе место в соревновании на лучшую подготовку средних учебных заведений к новому учебному году, и с тех пор он именовался «Переходящим знаменем». Кануло в Лету социалистическое прошлое, и воспоминанием о тех благословенных временах остался в учительской неуклюжий, жесткий, с кое-где потрескавшейся обивкой, огромный, кумачового цвета диван. Молодежь со своими тощими задами его игнорировала, а вот у «мамок» он был любимейшим местом обсуждения новостей любого масштаба — от поселкового до всемирного. Причем некоторые новости обсуждались здесь гораздо раньше, чем официально появлялись на свет...

Сейчас диван с трудом вмещал трех грузных «мамок», остальные ютились на жалких казенных стульях и терпели муки-мученические: согнуться им мешали солидные животы, а разговоры велись секретные, совсем не для ушей молодых, резвых коллег. Короче, «мамки» предавались своему любимому занятию — сплетничали. И Лена могла дать голову на отсечение, что предметом их живейшего обсуждения стал новый директор лесхоза. Он появился всего несколько недель назад вместо недавно умершего от инсульта Василия Петровича Боровского. Никто в поселке нового как следует не видел: в конторе он не сидел, а, скинув франтоватую городскую одежду и переодевшись в собачью доху и унты — в горах еще лежал снег по колено, — давал шороху подчиненным на местах.

Вела разговор по традиции Фаина Сергеевна, пожилая учительница химии. Ее муж, добродушный розовощекий Егор Никитич, возглавлял какую-то незначительную службу в лесхозе, был маленьким, но начальником, поэтому Фаина постоянно пребывала в курсе всех конторских новостей и сплетен. Себя она считала чуть ли не первой дамой в поселке, так как настоящие первые дамы — жены бывшего директора лесхоза, главного инженера, главврача и других начальников повыше и пониже рангом — были настолько замотаны работой, хозяйством и детьми, что на участие в светской жизни поселка у них не хватало ни сил, ни времени. Фаина Сергеевна в одиночку взвалила на себя непосильную ношу. Она с непомерным энтузиазмом возглавляла все мыслимые и немыслимые комитеты и советы, постоянно была на виду, и это давало ей повод обо всем судить с присущим ей апломбом и принципиальностью.

В ней было что-то от лошади: сухая, поджарая, голенастая — она тем не менее считалась первой модницей поселка. Вещи у нее были фасонистые, но порой совсем не подходящие для деревенской улицы, что нисколько не умаляло ее самования.

Она почти как личное оскорбление восприняла появление в Привольном три года назад новенькой, одетой по последней моде учительницы — Елены Максимовны Гангут. Чутьем старой интриганки и сплетницы она поняла,

что эта скромная, очень красивая девушка со странной фамилией о чем-то предпочитает не говорить и что тут кроется какая-то тайна. Вскоре это «что-то» обрело более четкие формы. Лена всячески избегала разговоров о семье и бывшем месте работы, и тем не менее в компании «мамок» каким-то непостижимым образом просочились слухи, что она работала в Москве в известной газете, но по неведомым причинам бросила престижную работу и уехала в таежную глухомань.

Версии рождались одна за другой. По одной из них, она сбежала в тайгу от несчастной любви, по другой — от мужа, заставшего ее с любовником, а по третьей — она его застала. Тут «мамки» — дамы, в общем, незловредные — давали волю своей буйной фантазии. Жизнь на свежем деревенском воздухе, небогатая событиями, весьма подхлестывает воображение. Но все, как одна, сходились во мнении, что, несмотря на окутанное мраком прошлое, девушка держалась безупречно: слишком назойливых поклонников отшила сразу и бесповоротно, учителем оказалась толковым, от многочисленных поручений не отказывалась, то есть вела себя так, как и подобает молодой сельской учительнице, а не какой-то прожженной столичной штучке.

За эти годы у Лены сложились добрые отношения с коллективом школы и многими жителями поселка. Одевалась она скромно, и только зоркий глаз Фаины Сергеевны мог определить, что все ее неброские туалеты великолепного качества, стоят приличных денег и подобраны с безукоризненным вкусом.

Недавно Лена купила в лесхозе в рассрочку коттедж, и сразу же возник новый повод для разговоров: откуда у нее деньги и кого она позовет на новоселье, которое, если верить слухам, должно было состояться через неделю.

Не ведая, какие бури сотрясают красный диван, Лена поставила массивный кожаный портфель на край стола, который она делила с учительницей математики — Зоей Викторовой. На столе, как всегда, черт ногу сломит: тетрадки, классные журналы вперемешку с моделями геометрических фигур, линейками, циркулями и корбочками с цветными мелками... Лена отодвинула в сторону

стопки тетрадей и обнаружила в завале журнал своего 10-го «Б» класса, открытый на странице с надписью «Математика».

Она взглянула на почти пустую колонку. Так и есть: в графе «Зачет» большинство оценок еще не проставлено, но напротив фамилии Страдымова, ее основной головной боли, в клеточке красуется жирная двойка. Очевидно, что-то послужило последней каплей, переполнившей чашу терпения Зои Викторовны. Математиком она была от бога. За уши никого никогда не тянула, но внушала ученикам прямо-таки фанатичную любовь к своему предмету. Несмотря на полноту, она летала по классу от парты к парте, от стола к доске и успевала за урок сделать столько, сколько молодой учитель вдалбливал своим подопечным за неделю.

При этом Зоя Викторовна никогда не заботилась о том, какое впечатление она производит на окружающих. По школе ходило предание, как она года четыре назад умудрилась не заметить присутствующую на ее уроке высокую комиссию из крайоно. И только когда ученики выполняли самостоятельную работу, она, проходя по рядам и выставляя оценки в раскрытые дневники, очень удивилась, обнаружив на последних партах несколько упитанных чиновниц с сурово поджатыми губами. В недоумении поглядев на них поверх очков, она величественно прошествовала к столу.

— Тетради на стол, домашнее задание на доске! — этими словами она закончила урок и собиралась удалиться в учительскую. Но не тут-то было! Комиссии, отсидевшей зады на неудобных школьных скамейках, не терпелось разогнать кровь. Конечно же, уважаемая Зоя Викторовна совершила уйму ошибок: не комментировала оценки, а просто выставила их в дневники, обозвала ученика олухом, не объявила об окончании урока... Зоя Викторовна молча выслушала замечания, потом взяла со стола пачку тетрадей и смачно хлопнула их о парту перед председателем комиссии.

— Методические упущения, педагогические отклонения... Через пятнадцать минут у меня урок, просмотрите

эти работы. Будут замечания — приму к сведению, — сказала она и вышла из кабинета.

Остолбеневшие от такой наглости члены комиссии пытались возмущаться, но председатель своей властью приказал им замолчать и раздал всем тетради класса. Ровно через четверть часа выяснилось, что все ученики справились со сложнейшими заданиями практически без ошибок. Правда, многомудрый директор Киселев тактично умолчал о том, что на уроке, к счастью, отсутствовал ученик Страдымов, который вполне мог эти показатели подпортить. Но Страдымов покуривал в это время за школьным гаражом в компании таких же шалопаев-прогульщиков, и о тайной директорской хитрости так никогда и не узнал...

Илья Страдымов был, пожалуй, единственным учеником за всю долгую учительскую жизнь Зои Викторовны, который математику совершенно игнорировал, а десятый класс воспринимал как тренировочную отсидку перед заключением в места не столь отдаленные.

Его отцу было уже за шестьдесят, работал он плотником в лесхозе и с упорством, достойным лучшего применения, искал истину в вине, так что до младшенького, Ильи, руки у него никак не доходили. Впрочем, в свое время они не дошли и до старшего — Филиппа, отсидевшего не один срок за кражи и разбой...

Вот в эту семейку и предстояло идти Лене на разборки сегодня вечером. Поход был очередной данью завучу, которая всю работу с родителями представляла в виде бесконечного посещения квартир и безрезультатного выяснения отношений.

Низкий голос Зои Викторовны заставил Лену поднять голову.

— Господи, деточка, у вас поразительный талант наводить порядок!

Лена с удивлением воззрилась на стол: действительно, в тоске от предстоящих испытаний она незаметно для себя разобрала на столе все завалы.

В мгновение ока Зоя Викторовна водрузилась на самый широкий в учительской стул и свела на нет все усилия девушки. Она вновь разложила на столе классные журналы,

а тетради сдвинула на Ленину половину. При этом она не переставала говорить:

— Вы знаете, Леночка, новый директор лесхоза — прямо Фигаро неуловимый. Говорят, очень видный из себя мужчина, но груб, как фельдфебель. — Зоя Викторовна перевела дух. — На днях такое наговорил Зинаиде, главному бухгалтеру, что она два часа проревела у себя в кабинете. Это с ее-то гонором! — И Зоя Викторовна окончательно забыла, зачем села за стол. — А вот Фаина Сергеевна, — она многозначительно кивнула в сторону химички, восседавшей на диване, — видела, как он вышвырнул из кабины Генку-тракториста. Мне, говорит, пьянь за рулем не нужна. Жена его, Татьяна, сегодня бегала за муженька просить, так он и ее отчитал, чтобы не унижалась.

Две молоденькие, маленькие, похожие на взъерошенных галчат учительницы начальных классов, Люба и Лариса, высунулись из-за пальмы и недоверчиво переглянулись.

— Это Генку-то?! Да он самый крутой мужик в поселке, а уж если выпьет, так и вообще с ним сладу нет. Участковый и то с Генкой не связывается!

Зоя Викторовна махнула рукой:

— Сравнили тоже! Новый директор покруче этого верзилы. Я тут видела, как он у конторы из машины выходил — в собственных ногах запутался. В шубе, унтах, настоящий медведь, да и рык у него медвежий... Что теперь будет? — Зоя Викторовна горестно покачала головой. — Василь Петрович, покойный, тоже был не сахар, всех в кулаке держал, а при этом, наверно, вообще век свободы не видать!

— Ну, вы, Зоя Викторовна, прямо на какой-то блатной жаргон переходите, — упрекнул ее Витя-Петя, учитель физкультуры Виктор Петрович Цыганков, подсевший под пальму к «2-Л-2», как он в шутку называл Любу и Ларису. Он обнял их за плечи и понизил голос: — Я вам, девушки-милашки, одно скажу: директор — мужик стоящий, за три недели, что здесь в поселке, все участки на вертолете облетел, некоторым так хвосты накрутил!.. А что? До сих пор винтом держат. — Физрук коротко хохотнул. — Жена у меня на поселковой АТС работает. Всего сказать, как вы понимаете, я не могу, — Витя-Петя многозначительно

подмигнул Лене, — но егеря рассказывают: шибко мужик грамотный! Правда, въедливый, не приведи господь. В каждую щель залезет, все насквозь видит. Куда там Василию Петровичу. Тот только и знал, что кулаком по столу гроыхать да блажить на весь поселок. — Слегка повозившись в кресле, Витя-Петя принял более удобное положение и продолжил: — А Зинка ревела не оттого, что он на нее рывкнул, а что не разглядел ее красоты, не обомлел и в объятия не бросился. Что вы, Зинаиду не знаете? Любит она хвостом покрутить перед начальством, а тут такой пассаж! — Витя-Петя подставил чашку под краник самовара, взял из вазочки общественную, купленную в складчину сушку и, дожидаясь, пока чашка наполнится кипятком, развалился в кресле.

— Теперь, девоньки, подходите поближе, скажу я вам главную новость, а то мне на вас, на корню засыхающих, смотреть дюже противно и обидно...

— Чем же мы вам так не угодили, Виктор Петрович? — ехидно спросила из своего угла любимая Ленина подруга, англичанка Верка Мухина, по мужу Шнайдер.

— Цыц, Верка, не о тебе речь. Ты у нас баба замужняя, и разговоры наши тебе слушать не положено.

Верка захохотала, но поближе придвинулась к Лене и неразлучным «2-Л-2».

— Сообщил мне тут один конфиденциальный источник, пожелавший остаться неизвестным, что он, — заговорщицки прошептал физрук, а многозначительный взгляд в небо подтвердил, кого он имел в виду, — в законном разводе, детей не имеет, так что ловите, девоньки, шанс удачи за хвост, да побыстрее! — Щипнув девчонок за бок, отчего они отчаянно взвизгнули и покраснели, веселый физрук скосил глаза в сторону дивана и погрозил учительницам пальцем: — Смотрите, больница к конторе ближе, чем школа, опередят вас врачихи, а то и сама Зинаида приберет его к рукам, она баба ушлая!

— Да он небось совсем старый. — Лариса скривила губы.

— Ничего себе старый! — едва не вскочила с красного дивана Фаина Сергеевна. Химичка хоть и далеко сидела, но события контролировала, а уши привычно держала то-

пориком. — На вид ему не больше тридцати пяти, а может, и того меньше. Сегодня он нас с мужем до школы на своей машине подвез и, представьте, сделал мне комплимент. — Фаина торжествующе оглядела учительскую. Наконец-то она добилась своего: слушали ее все без исключения. Даже секретарша перестала печатать, а очумевшие от дурной писанины студенты подняли головы. С удовольствием отметив всеобщий интерес к своей особе, Фаина продолжала:

— Я, говорит, даже не подозревал, что встречу в поселке такую элегантную даму. — Она кокетливо взбила рукой пышные обесцвеченные волосы. — А потом подал мне руку, помог выйти из машины и проводил до самой школьной калитки.

— Да? — удивилась Любаша. — Ему б на вашем месте Елену Максимовну увидеть, вообще бы дара речи лишился.

Фаина Сергеевна издала какой-то квохчущий звук, побледнела и одарила молоденькую учительницу таким красноречивым взглядом, что всем стало ясно — девчонка по глупой оплошности нажила себе врага. Учителя, тактично пряча глаза, принялись за свои дела, секретарь застучала на машинке, и только Витя-Петя беззвучно трясся от смеха в своем кресле, накрывшись спортивной газетой.

— Ну, Любка, ну и отчебучила, теперь Фаина при удобном случае с потрохами тебя сожрет! — прошептал он.

Любаша только недоуменно пожала плечами и пристроилась к телефону, оттеснив от него Костю.

Зоя Викторовна тем временем захватила со стола конверты с экзаменационным материалом и устремилась в кабинет к завучу, оставив на столе еще больший беспорядок. Снова приниматься за бесполезную уборку у Лены не было никакого желания. Вспомнив, что по дороге в школу почтальон вручил ей письмо от отца, она достала его из портфеля и распечатала конверт...

Родители исправно писали ей по четко определенному графику: мама радовала семейными новостями в начале каждого месяца, а во второй его половине отец сухо информировал дочь о ее упущенных возможностях. За три года эта традиция ни разу не была нарушена, поэтому чтение отцовских писем Лена старалась всегда отложить на

потом. Читать о том, к чему приведет ее прозябание в таежной глуши, — не слишком приятное занятие. Нельзя сказать, что она не любила отца и не считалась с его мнением, но ее скоропалительный отъезд разрушил все его надежды, и он до сих пор не мог забыть обиды, поэтому письма его были излишне колкими и язвительными. Только бабушка и младший брат, непутевый, по мнению его телевизионного начальства, авантюрист и экспериментатор Никита, радовали ее веселыми, остроумными и частенько хулиганскими письмами.

Лена повертела в руках конверт, все еще раздумывая — читать или не читать, но тут — о счастье! — прозвенел спасительный звонок, и письмо опять удобно устроилось в портфеле.

Под дикий торжествующий рев нескольких сот детских глоток, возвестивший окончание уроков, Лена выскочила в коридор: под шумок дежурные по классу могли смыться и предоставить ей сомнительное удовольствие вылавливать их по всему поселку.

Вывяснив попутно отношения со школьной сторожкой, младшему чаду которой, шестикласснику Сережке, существу весьма противному и ленивому, грозил второй год, Лена вернулась в учительскую и увидела, что там необычно пусто. Елизавета Васильевна уткнулась в какую-то толстую книжку в пестрой обложке и, едва подняв голову, кивнула на дверь:

— На совещании все. Николай Кузьмич чуть не в обмороке прибежал из конторы. Сейчас в кабинете физики совещаются. Даже из дома некоторых вызвал, а вас нигде не нашел, жутко осерчал, так что бегите, Елена Максимовна, со всех ног!

Довольная секретарша откинулась на стуле: меньше двух часов директор совещания не проводил, и в это время она могла вдоволь поболтать по телефону с многочисленными приятельницами, а также почитать очередной любовный роман, которые она глотала, как чайка, не разжевывая...

«Все, теперь раньше пяти не уйдешь, а ведь еще к Страдымовым надо зайти», — с тоской подумала Лена и, захватив из портфеля «Ежедневник», отправилась на учиненное директором аутодафе.

Спускаясь по узкой тропинке, что вела через лес к центру поселка, Лена и Вера чертыхнулись раз по двадцать. Преодолевать крутые спуски в туфлях на высоких каблуках было сущим наказанием, но скинуть их и идти босиком по уже прогретшейся земле девушки не решались — жаль порвать колготки, а снять их в редком, просматриваемом насквозь сосняке было равносильно подвигу.

О прошедшем собрании они помалкивали, хотя поговорить было о чем и, главное, о ком. Но они решили отложить это приятное занятие до Вериного уютного «лежачка» — так она называла огромный, с множеством подушек диван. Мягкую мебель молодоженам подарили в складчину многочисленные родственники.

— Думаю, так мы будем телепаться до вечера. Говорила же — пойдем по дороге, или Витю-Петю попросили бы подвезти, — недовольно проворчала Верка, в очередной раз снимая туфлю и рассматривая ее. — Все, туфлям каюк! Вот, смотри, весь каблук ободран, и подошва отстала. — Стоя, как цапля, на одной ноге, она потрясла лодочкой у Лены под носом.

— Господи, Вера, в мастерской тебе в два счета их отремонтируют, — устало отмахнулась от нее Лена. — Вот уже ваш огород. В калитку пойдем или в ворота?

— Ну, нет! Не хватало еще по грядкам скакать. — Верка решительно свернула в сторону, они обогнули огород и подошли к дому. У ворот стоял ярко-оранжевый «жигуленок» Вериных родителей.

Ее отец, Семен Яковлевич Мухин, и мама, Любовь Степановна, работали в поселковой пожарной охране, и поэтому местные острословы немедленно окрестили их новую машину «Пламя любви».

Вообще, как заметила Лена, в поселке были мастаки давать клички и прозвища, да и топонимика отличалась особой выразительностью. Так, старый пруд за поселком после того, как в него свалился принадлежавший мужу Сталины бензовоз и превратил и так небогатый живно-

стью водоем в зловонное, покрытое нефтяной пленкой болото, прозвали «Персидским заливом», а высившееся в центре современное пятиэтажное здание конторы лесхоза — «Собором Василия Блаженного». Бывшего директора за глаза в народе называли Блаженным. Чего скрывать, нрава он был сердитого, а в гневе — бешеного...

Крутой и грязный спуск к сберкассе назывался «Богатые тоже плачут», но особый восторг у Лены вызывали кошачьи и коровьи клички. Коты назывались сплошь Луисами, Хосе и Мейсонами, а коровы Санта-Барбарами, Эстерками и Марианками — весомое доказательство, что такое великое достижение цивилизации, как «мыльная опера», достигло и сибирских просторов!

Вера с мужем и родителями жили в огромном доме, который они года два перестраивали, надстраивали, обкладывали кирпичом. В результате появился второй этаж и мансарда, где и стоял любимый подругами «лежачок».

Оставив на веранде тяжелые портфели и сбросив опостылевшие туфли, подружки попытались прошмыгнуть по лестнице наверх, но не тут-то было. Любовь Степановна, очевидно, не отходила от окна и их маневры пресекла сразу.

— Вы куда это лыжи наострили, а обедать?

— Ну что ты, мама? Мы в школе перекусили, до ужина как-нибудь доживем! — запрочитала Верка. — У нас дела неотложные...

— Знаю я ваши перекусы и дела: опять про свою школу приметесь болтать. И не надоело вам? — Любовь Степановна открыла окно в огород и крикнула:

— Отец, Саша, заканчивайте с картошкой, борщ стынет!

Девушки покорно вслед за мужчинами помыли руки, и вскоре дружная компания уселась за круглым столом на веранде. На вышитой еще Веркиной бабушкой скатерти возвышалась супница, исходившая аппетитным запахом, а также несколько тарелочек с полосками-флажками копченой грудинки и прозрачными розовыми шматочками сала. Рядом примостилось блюдо с салатом из свежих огурцов и помидоров, которые выращивали в своих теплицах братья Саши. Все это великолепие довершала гора

вкуснейших пирогов с яблоками и изюмом, лучше которых Лена ничего в своей жизни не пробовала.

Да, поесть много и вкусно Мухины—Шнайдеры любили. К счастью, эта любовь снабдила их только здоровым цветом лица, а исключительная живость характеров сжигала все лишние калории. В итоге все семейство вид имело поджарый, стройный и весьма симпатичный... Лена любила бывать в этой семье, в которой напроочь отсутствовали ссоры и дразги.

Саша, белобрысый и голубоглазый, под два метра ростом добродушный немец, появился в Привольном за год до Лены. Он успешно окончил торговый институт и уже имел в поселке два магазина.

Многих поселковых девиц на выданье он очаровал мгновенно, но в жены выбрал Верку Мухину — девушку, может быть, и не самую красивую, но высокую, себе под стать, с острым языком и неумной энергией, которую он быстро научился укрощать и использовать в мирных целях.

Полгода ухаживаний вылились в грандиозную, даже по поселковым меркам, свадьбу. Целую неделю почти триста человек ели, пили, пели под аккомпанемент шести баянов и гармошки, основательно подорвав тем самым трудовые показатели не только в поселке, но и в районе. Выйдя замуж, Верка расцвела в одночасье. Необычайно похорошевшая, она светилась от счастья. Оно нет-нет да и переплескивало через край, и тогда, сидя на заветном «лежачке», она приоткрывала завесы над некоторыми тайнами своей семейной жизни. По ее словам, отношения молодых в спальне были восхитительны. Флегматичный Санек в постели показывал такие чудеса мужской доблести, что снискал неувядаемую любовь и нежность молодой жены.

— Знаешь, он меня по руке гладит, а я уже готова с ним хоть посреди улицы лечь. — Глядя на Лену затуманенным взором, Верка смущенно улыбалась. — В самые острые моменты, понимаешь, какие, с головой в подушку зарываюсь, а однажды так заорала — всех кур переполошила в курятнике. Смотрю утром, маманя меня так пристально, осторожно осматривает: вдруг Санька меня по ночам луп-

цует. И смех, и грех! — Она перевела дух. — А у меня синяки только вот где! — И Верка горделиво распахнула блузку.

Чуть повыше кружевного края лифчика на пышной груди красовался внушительный багровый синяк, оставленный в запале губами молодого мужа...

Лена в душе немного завидовала подружке. Все воспоминания о Сергее и проведенных с ним недолгих дней и ночах заканчивались одним: перед глазами вставала черная яма, куда опускали обитый красным гроб, и салют из автоматов. А затем ее поглотила черная пустота и продержала на больничной койке более месяца. Нервное потрясение, пережитое во время похорон мужа, порой давало о себе знать чрезмерной усталостью, сухостью во рту и тошнотой.

Но самое удивительное — за все четыре года, которые прошли с того страшного дня, Сережа ни разу ей не приснился. А в воспоминаниях лицо его постепенно смазывалось, затушевывалось. Лена стала забывать его голос, а ведь в первое время в каждом молодом статном мужчине она видела мужа, порой пугалась до слез, когда что-то знакомое чудилось ей вдруг в повороте головы, развороте плеч или походке. Каждый вечер, ложась спать, она долго смотрела на большую цветную фотографию — отец снял их на Красной площади в тот день, когда Сереже вручили звездочку Героя.

На снимке осенний ветер растрепал им волосы. Обнявшись, они от души смеялись. Безоглядное счастье на собственном лице, ушедшее вместе с любимым, вызывало у Лены страшную горечь, иногда она молча плакала. И все же Сережа уходил, уходил от нее, и время заслоняло от нее его голос, слова, запахи...

Поначалу мать и бабушка попрятали все фотографии Сережи, поскольку каждый взгляд на них вызывал у Лены припадок отчаяния. Плакать она больше не могла, а только, обхватив голову руками, глухо стонала, раскачиваясь из стороны в сторону. Эту самую удачную их фотографию она решила повесить в новом доме, и никто пока ее не видел, даже Верка.

Громкий смех подруги отвлек Лену от грустных размышлений.

— Чего задумалась? Смотри, ложкой в ухо попадешь! Жалеешь, что в трудовой лагерь не поедем, так нам же лучше: в отпуск раньше отправят.

— Неужели Киселев вам замену нашел? — Любовь Степановна придвинула поближе к ним блюдо с пирогами. — И очень хорошо, а то слыханное ли дело, каждое лето в тайге пропадать? Другие к морю едут, за границу. Сам небось в прошлом году в Турцию мотался, а девчонок на съедение комарам да паутам¹ посылает! Совсем стыд потерял!

— Успокойся, мама! — Вера откусила пирожок. — Понимаешь, стране без нас с Ленкой не обойтись! Если прикажут, грудью на амбразуру ляжем!

— Хватит языком чесать, Веруха. — Семен Яковлевич откинулся на спинку стула. — По глазам вижу, что не терпится новостями поделиться.

— Да новости одни и те же. — Дочь махнула рукой. — Был сегодня наш Николая в конторе. Новый директор местную знать собирал на раздолбон. Ну, наш-то да главврач больше помалкивали, до школы и больницы этот тип обещал только через неделю добратся, а по всем службам прошелся горячим утюгом. — Вера отхлебнула чаю. — Досталось и поселковой администрации, и коммунальщикам... Представляешь, мама, — она весело посмотрела на мать, — теперь будешь не просто нашу Рамону за ворота выгонять, а провожать до стада, да еще в ведерочко совочком ее лепешки подбирать. А то, как выразился уважаемый товарищ Пришибеев, весь поселок заср... Наши «мамки» чуть со ступьев не попадали, когда такое услышали. Воображаю их с ведерками и совками, и как они подбирают коровье дерьмо! — Верка согнулась от смеха. — Это Зое Викторовне-то, с ее животом, каждое утро поклоны отбивать! А может, все к лучшему, похудеет слегка. — Она оглядела молча слушающих ее родственников. — Если верить Киселю, новый директор хуже Пиночета. Правда, с одной стороны, Фаине комплиментов наговорил, хо-

¹ Пау ты — таежные кровососущие мухи очень большого размера.

тя она и совет — недорого возьмет, а с другой — Зотову из администрации поставил по стойке «смирно» и чистил так, что она даже слова в свою защиту не успела сказать, а затем посадил на место, как последнюю двоечницу.

— Допустим, не все так плохо, как вы представляете, — включился в разговор Мухин-старший, подливая себе чайку. — Я на совещании тоже был, и Алексей Михайлович мне понравился. За короткий срок он о проблемах поселка больше узнал, чем ваша Зотова и поселковые начальники, вместе взятые. А Зотиха отделалась малой кровью. Я бы за ту грязь и хлам, что около домов лежат и по всему поселку валяются, давно бы ей под зад коленом дал и не поглядел бы, что женщина. Сроду их на месте не найдешь. За паршивой бумажкой неделю ходить приходится! — Семен Яковлевич сердито пристукнул по столу кулаком. — Они большие любительницы по Сашкиным магазинам рейды проводить, а наши предписания не выполняются: дворы захламлены, в палисадниках все цветы повывели, завалили брусом, досками, кирпичом. Не дай бог пожар, да еще с ветром, полпоселка махом выгорит!..

— Ну все! Папуля оседлал любимого конька. — Вера, ища сочувствия, повернулась к Лене. — Хлебом не корми, дай позаниматься пожарной пропагандой! — И тут же обхватила отца за шею, заглянула в лицо. — Лучше скажи, какой этот директор из себя, говорят, — она многозначительно покосилась на подругу, — ладный такой да видный?

— Верка, постыдись, — сурово одернула ее мать, — за мужем, поди!

— Да я для Лены кадры подыскиваю, моя-то уже пенска спета! — Она озорно глянула на мужа. — Что-то мой Санек сегодня приуныл, голову повесил, или до твоей коммерции начальство тоже добирается?

Лена вдруг заметила, как сердито дернулись Сашины губы, а безмятежно-голубые глаза потемнели.

— Так вы поедете в лагерь или нет? А то начнешь про одно, а съедешь, как всегда, на другое, — упрекнул он жену.

— Да о чем тут еще говорить? Радуйся, Сашуля, в отпуск меня в июне отпускают, так что, хочешь не хочешь, а

в кризис мы с тобой поедем. Деньги готовы, дорогой! Хочу себе шубу в Греции купить.

— Какая тебе шуба? — прикрикнула на нее мать. — Не для наших они морозов. Только деньги изведешь! Говори толком, почему в лагерь не поедете!

— Отстань, мать, от нее, лучше я расскажу. — Семен Яковлевич пристроился с сигаретой на порожке веранды. — Из края указание пришло: в этом году ребяташек в тайгу не отправлять, участились нападения на пастухов. На прошлой неделе, говорят, на трассе несколько «КамАЗов» остановили, обчистили вплоть до колес, водителей избили. Один в реанимации, до сих пор в сознание не пришел.

— Что же такое происходит? Раньше мы к соседям свободно ездили, они к нам, никто никому не мешал... А сейчас грабежи, убийства, скот угоняют. — Любовь Степановна с грустью посмотрела на мужа. — Помнишь, сколько раз на озера целебные ездили, красота там неопишущая! И никто ни на кого ни обижался.

— Что говорить, теперь у них своя республика, своя власть, а вернее, вообще никакой власти. Всех славян поразогнали, производство стоит, хлеб растить некому. Говорят, конопля у них забористая растет, почище киргизского «чарса». Так летом они как на покос выходят, все наркоманы к ним слетаются на заготовку «плана» и анаши. Наркота оттуда по всей Сибири расходуется, никакие кордоны не помогают. А пока конопля не зацвела, разбойники занимаются на тракте и в тайге. Они как привыкли: трубку в зубы, на коня — и айда! А есть и пить на что-то надо! Ведь до чего додумались: на вертолете за оленями и сохатыми гоняются. Стреляют с борта, потом садятся, быстренько тушу разделывают, лучшее мясо забирают, а остальное на поживу волкам да медведям! — Мухин сердито смял окурочек, с силой вдавил его в пепельницу. — Директор новый, Ковалев, пытался выяснить у их властей, кому вертолет принадлежит, — ни черта! Хихикают, водкой норовят напоить, а как разговор о деле заходит, словно и не слышат или делают вид, что не понимают. Он им пригрозил, что в следующий раз будет стрелять на поражение, так теперь, словно кто-то их предупреждает, обязательно

на том участке появятся, где Ковалев накануне был, и пакостят по-прежнему. И не опередишь их никак! Лесхозовский вертолет больше топлива жрет, чем летает, а военные такие миллионы запросили, что вовек не расплатишься. Я вот думаю, как они еще до биостанции не добрались, до маральего питомника. Скоро панты созреют, за них можно приличную сумму выручить.

— Морока это, — включился в разговор Саша, — панты с большой охраной везут, а в этом году милицию пригласили в самый сезон питомник охранять.

— Этак скоро милиция и черемшу, и папоротник вместо нас собирать будет! — вмешалась Любовь Степановна. — Виданное ли дело в своей тайге с оглядкой ходить, каждого куста бояться? Помнишь, отец, как с ребятами лет с десяти-двенадцати сначала до озера Карахоль доходили, а потом и дальше, до самой биостанции добирались, в шалашах ночевали, рыбу ловили, хлебом с солью да черемшой закусывали, и хоть бы кто нас обидел. Наоборот, бывало, еще домой на телеге подбросят.

Незаметно, с чаем и вареньем, подъели симпатичную горку пирожков, мужчины ушли по своим делам, а Лена засобиралась домой.

— Слушай, подруга, бери-ка ты мой велосипед, не хватало еще по нашим колдобинам в темноте на каблуках разгуливать. — Вера протянула Лене свои кроссовки. — Они, конечно, тебе великоваты, но не на танцы идешь, до дома доберешься, не снимут.

— Ой, мне же еще к Страдымовым надо! — спохватилась Лена.

— А туда, девка, не суйся, — предупредила ее Любовь Степановна. — Не слышали разве? Филька их из заключения вернулся. Сегодня мы с Яковлевичем едем, видим, старый две авоськи бутылок прет. Сейчас самая гульба у них идет: дым до потолка и мат на мате... — Она сокрушенно покачала головой. — Ну все, Лена, пропал твой Ильюшка совсем, и так тюрьма по нему скучает, а тут братец быстро его к рукам приберет. Сам-то с двенадцати лет по колониям мотался, младший хоть до шестнадцати задержался, — посетовала женщина. — Зря ты, Лена, его отстояла, когда он соседский мотоцикл на запчасти разо-

брал. Благодарности никакой, только одни неприятности себе нажила. Позавчера, говорят, в Веселых Ключах избу обчистили. Вещи не взяли, а вот копченые окорока, две сотни яиц и сала соленого ящик как корова языком слизнула. Я на месте участкового сейчас бы на гулянке побывала: точно ворованным салом там закусывают.

— Это ты, мама, брось! — одернула Верка мать. — Ильюшка на механизмах разных помешан. Нужно ему твое сало. Скорее всего, там местные бичи постарались.

— Ну защищай, защищай, мало ты от него плакала, — проворчала Любовь Степановна и, подхватив тяжелый таз с чистой посудой, ушла в дом.

Вера помогла Лене вывести велосипед за ворота.

Стемнело. Серп молодой луны повис над лесом. Над рекой легли тонкие полоски ночного тумана. Тишину и покой деревенского вечера изредка нарушали посвисты какой-то ночной птицы да хриплый брех собак. Где-то недалеко, видно, у Дома культуры, звучала музыка, повизгивали девчонки — танцы были в самом разгаре.

— Ну езжай. — Вера легко подтолкнула ее в спину. — Так и не дали нам поговорить. Завтра я к тебе пораньше с утра приду, часов в девять. Новости обсудим, порядок в доме наведем. Ты там поосторожнее, у него руль тугой! — крикнула она вслед подруге и, сладко зевнув, вернулась в распахнутые двери родного дома.

Ездить по слабо освещенным улицам поселка на велосипеде Лене еще не приходилось, к тому же мешал портфель, который они с Верой прикрепили к багажнику. Но с горем пополам, чуть не потеряв с ног кроссовки, она очутилась перед последним препятствием на своем пути: узким переулком имени мексиканского сериала. Пришлось спрыгнуть с велосипеда. Кроме крутизны и множества кочек, переулок славился еще и тем, что дважды в сутки по нему шествовало поселковое стадо упитанных буренок, щедро покрывая улочку отходами своей жизнедеятельности. Днем еще можно было пройти здесь без существенного ущерба для обуви, но с каждой минутой становилось все темнее, и белым Вериним кроссовкам предстояло серьезное испытание.

К удивлению Лены, переулочники с велосипедом миновали благополучно: ни разу не споткнулись, не поскользнулись, и, судя по запаху, материальные потери тоже были незначительными. В самом конце спуска стояла изба Страдымовых. Во время выходящих окнами в переулочник, света не было. Но вряд ли Илья отправился спать пораньше. Верно, сейчас он в компании пьяных родственников. Как бы еще не напоили парня, забеспокоилась Лена.

Раньше этого за ним не замечалось, но чем черт не шутит...

Лена мальчишку жалела, даже подкармливала, но с его нежеланием учиться и склонностью прибрать к рукам все, что плохо лежит, ничего не могла поделать.

Выйдя из переулочника, Лена заметила, что на бревнах, лежащих у дома Страдымовых с незапамятных времен, кто-то сидит: в темноте горели три или четыре огонька сигарет.

— Илья, — окликнула она, — ты здесь?

По метнувшейся в калитку фигуре Лена поняла, что голос ее узнала, и теперь юный Страдымов огородами попытается уйти в темноту, чтобы избежать выяснения отношений с классной руководительницей.

— Кто эта дама, что моим братом интересуется, а он резвее зайца от нее по грядкам скачет? — услышала она незнакомый басистый голос.

Три мужика лениво поднялись с бревен и, не выпуская сигарет изо рта, молча окружили Лену.

По запаху спиртного она почувствовала: парни изрядно нагрузились, и по тому, как они молча напирали на нее, поняла — неприятностей не избежать.

Один из них, высокий, с короткой стрижкой, перехватив одной рукой руль велосипеда, другой облапил Лену, больно смяв ей грудь. Во рту мелькнула фикса, и по татуировке на руках она решила, что это и есть Филипп. Одновременно двое других начали обходить ее сзади. Мгновенно среагировав, Лена с силой бросила велосипед на Филиппа, тот отпрянул от неожиданности, но запутался ногой в раме и повалился на землю. Моментально развернувшись,

Лена носком кроссовки пнула по голени противника слева и тут же в развороте нанесла сильнейший удар ногой парню справа.

Истошный вопль и трехэтажный мат поведали всполошившимся соседям, что два противника из борьбы выбыли. Но Филипп оставался серьезной угрозой, и Лена застыла в боевой стойке, ожидая нападения. Противник, тяжело дыша и зажав в руке нож, подходил к ней, широко разведя руки.

Упреждая бросок нападающего, Лена ногой выбила у него из руки нож и что было сил ударила его кулаком в лицо. И, видно, попала в нос. Филиппа отбросило к забору, но в это время очухался бандит, получивший удар по голени. И если бы не Илья, который выскочил из темноты и заслонил ее собой, ей бы несдобровать.

— Вы че, в натуре, с ума посходили? Это же моя классная, Елена Максимовна! — зарал он во все горло.

Ошалевший от боли Филипп, вытирая кровь, обильно текущую из разбитого носа и губ, яростно просипел:

— Ну, шалава, скажи спасибо пацану, живой бы отсюда не ушла. Мы же только познакомиться хотели...

— Я такие знакомства не признаю и реагирую на них однозначно, — сухо ответила девушка. — Тебе помочь? — обратилась она к одному из парней.

Держась за низ живота, он тихо, по-щенячьи повизгивая, прислонился к забору.

Илья помог Лене поднять велосипед.

— Елена Максимовна, простите Филиппа. Пьяный он, дурной. В милицию только не сообщайте, а то опять забьют.

— Ладно, чего уж там! Веди его домой, пока соседи участкового не вызвали.

— Да они привычные, у нас часто драки, не позовут!

Лена кивнула мальчику на прощание и, теперь уже по асфальту, покатила к своему дому.

Филипп и Илья долго еще сидели на бревнах, курили и о чем-то тихо разговаривали. Филипп снял окровавленную рубашку, ночной ветерок приятно охлаждал разгоряченное тело, а парень все не мог прийти в себя от встречи с жен-